

«ГОВОРИТ ЛЕНИНГРАД!..»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕДАЧИ ЛЕНИНГРАДСКОГО РАДИО

Обзор А. П. Половникова

В страшную блокадную зиму 1941/42 г. радио заменяло ленинградцам едва ли не все прочие средства связи и общения. Оно было и «связным», и агитатором, и советчиком, и другом. Даже в те часы, когда не было передач, мерный стук метронома как бы говорил: «Я — здесь, я действую, всё — в порядке!» По радио Ленинград продолжал держать связь со страной. Слова: «Внимание, говорит Ленинград!», которыми начиналась каждая радиопередача из осажденного города, жадно ловили в эфире связисты на всем протяжении 1000-километрового фронта. Этих слов, где-то там, в глухом тылу врага, ждали партизанские радисты. Знакомые голоса ленинградцев были живым опровержением лживой фашистской пропаганды, без конца твердившей, что «большевистский Ленинград» уже весь «вымер» и вот-вот будет занят гитлеровскими армиями.

Писатели стали активными участниками работы радио с самого первого дня войны. Они работали много, безотказно, в самых различных жанрах, подчас открывая у себя новые, самим себе неведомые возможности, обогащая и развивая свой талант.

Для радио годился любой род, любой вид литературного «оружия». Радио нужно было всё: вдохновенная митинговая речь и доверительный разговор «по душам», острый антифашистский фельетон и очерк о героях города и фронта, песня и раешник, басня и лозунг, и стихи — особенно нужны были тогда стихи!

Радиопередачи «Говорит Ленинград», транслировавшиеся на всю страну (через станции центрального вещания), были начаты в тревожные дни сентября 1941 г., когда блокадное кольцо уже сомкнулось вокруг города. У микрофона ленинградского радио в этих ежедневных передачах выступали руководители партийных и советских организаций города, рабочие, солдаты, матросы, домохозяйки, учителя, артисты. И, конечно, непременно их участниками, а зачастую и организаторами, были писатели.

Писатели выступали у микрофона в радиоперекличках, которые в первые месяцы войны Ленинград вел с защитниками Киева, Одессы, Севастополя, с гарнизонами Ханко и балтийских островов, продолжавшими сражаться в тылу врага. Позже, уже в начале 1942 г., возникла еще одна новая форма радиопередач — «Фронтная газета по радио». И в ней слово писателя заняло достойное место.

Следует помнить, что Ленинградский радиокomitee был в полном смысле фронтовым объектом и весьма заманчивой целью для фашистских летчиков и артиллеристов. Радиопередачи из осажденного города сильно портили нервы гитлеровскому командованию, поторопившемуся разразиться на весь мир, что падение Ленинграда — дело чуть ли не ближайших часов. Ведь действительно уже были назначены сроки «торжественного парада» на Дворцовой площади, и где-то, в каких-то походных типографиях вермахта печатались для «господ офицеров» пригласительные билеты на банкет

в «Астории». А радио Ленинграда день за днем продолжало свою работу, уже самим этим фактом разоблачая хвастливые заявления фашистских стратегов!

Гитлеровцы все время пытались нащупать Дом радио. В непосредственной близости от него не раз рвались снаряды фашистской артиллерии. К счастью, только один из них, уже в 1943 г., попал в здание (да и этот снаряд не разорвался!). Очень близко ложились и авиационные фугаски. В конце сентября 1941 г. несколько бомб разорвалось совсем рядом — на Малой Садовой, на улицах Ракова и Толмачева, на Невском проспекте (в саду Дворца пионеров и в Гостином дворе). Тяжелой авиационной бомбой был разрушен большой корпус во дворе Радиокомитета.

Но что бы ни происходило в городе — бомбежки или обстрелы, или и то и другое вместе, — радиопередачи не прекращались ни на один день!

В полную силу звучали голоса ленинградских писателей в ту грозную пору.

Разве можно забыть выступления по радио Всеволода Вишневского? Поистине огневой призывной силой обладало страстное, гневное слово писателя-бойца, с его неповторимой, широкой интонацией балтийского «братишки», матроса великой Революции. Этой силой были наполнены и радиоречь, произнесенная им в дни 24-й годовщины Октября, и выступление «Слушай, родная Москва!», передававшееся в тягчайшее для всей нашей Родины время, когда гитлеровские орды были на подступах к советской столице. Десятки раз выступал Вишневский по ленинградскому радио в годы Отечественной войны. Мастерски владея трудным искусством радиопублицистики, он любил радио, и ленинградцы любили его выступления.

Пишущему эти строки очень памятно одно из выступлений Вишневского (уже зимой 1941/42 г.), при котором работникам радио пришлось нарушить все привычные «каноны» — в этот раз не было ни заранее подготовленного текста, ни предварительной записи.

В партизанском штабе мы узнали, что с оккупированной фашистами территории через линию фронта в город пробралась женщина, простая лужская колхозница, с двухлетней дочерью. Нам посоветовали послушать, что она рассказывает о своем пребывании в условиях гитлеровского «нового порядка».

Женщину отыскали, привели в Радиокомитет, угостили горячим чаем и ломтиком хлеба, выделенным из скудного блокадного пайка, а для ее девочки раздобыли даже несколько конфет из дуранды. Гостью расспрашивали с жадностью — ведь это был первый увиденный нами человек, который на себе испытал все прелести фашистского «рая». Худая, издерганная, изнервничавшаяся за себя и за ребенка женщина говорила медленно, то и дело надолго замолкая. Она рассказывала о том, как гитлеровцы ворвались в их деревеньку, как в тот же день были «отсортированы» все пожилые люди — их под конвоем отвели в медицинскую службу фашистской части, где у каждого из приведенных было взято по 400—500 граммов крови, понадобившейся для переливания раненым «арийцам». После этой процедуры все невольные «доноры» были уничтожены. На следующий день повели сдавать кровь тех, кто остался в живых. Взяли кровь и у этой женщины. А затем фашистский врач потребовал, чтобы она отдала девочку. Зачем? На ломаном русском языке матери объяснили, что у девочки тоже возьмут кровь. Кроме того, у нее срежут несколько кусочков кожи. Кожа нужна для заживления ран. Женщина плакала, валялась в ногах у врача, просила взять кожу у нее. Врач холодно ответил:

— Твоя кожа старая, она плохо прирастает, она не растягивается...

Палач с докторским значком в петлице срезал с груди и спинки ребенка десять кусочков кожи. Девочку исхлестали ремнем. Она, видите ли, не хотела лежать спокойно...

Женщин и молодежь не расстреляли, их заставили заняться хозяйственным обслуживанием фашистской части. Когда часть двинулась дальше, женщин собрали и под угрозой смерти повели с собой.

Страшным был этот рассказ о почти двухмесячных скитаниях группы русских женщин! Да, все это стоило послушать ленинградцам! Только как это осуществить? Хотели сделать запись, но при виде незнакомой аппаратуры женщина совсем расте-

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ДЕНЬ НАГРАЖДЕНИЯ МЕДАЛЯМИ
«ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

Слева направо: В. М. Саянов, А. А. Прокофьев, О. Ф. Берггольц, В. Б. Азаров, Н. С. Тихонов,
В. М. Инбер, И. К. Авраменко, Е. И. Рыбина, А. Л. Дымшиц, К. Т. Ванин, А. Г. Голубева,
Б. М. Лихарев, В. В. Вишневский

Фотография Г. И. Чертова. Ленинград, 3 июня 1943 г.

Литературный музей, Москва

рялась. Беседы у микрофона тоже не получалось. Тогда решили: запротоколировать возможно подробнее наши вопросы и ответы женщины и дать эту запись Вишневскому, чтобы он подготовил по ней свое очередное выступление по радио. Прочитав протокол, Вишневский сказал только:

— Пустите меня сейчас вот с этим... — он потряс пачкой листков, — прямо к микрофону. Нечего мне тут готовиться!

Право же, это было одно из лучших его выступлений!

Надо сказать, что Вс. Вишневский вообще, выступая у микрофона, не очень-то строго придерживался написанного им текста. Написанное служило ему только основой, «канвой», и ораторский темперамент иной раз уводил его довольно далеко от этой «канвы». Я очень хорошо помню выступление Вс. Вишневского в «Радиохронике» 22 октября 1941 г. с речью «Слушай, родная Москва!». Речь эту писатель, как было положено, представил в Радиокomitee в «письменном виде», перепечатанной на машинке. Но выступая, он увлекся. Я был редактором этой радиопередачи, текст Вс. Вишневского лежал передо мной, и мне удалось — правда, наскоро, карандашом, — тут же, между машинописных строк вписать все то новое, что Вс. Вишневский внес в свою речь, так сказать, «по ходу действия».

Этот выпуск «Радиохроники» (№ 98), к счастью, сохранился, и пять страничек радиоречи «Слушай, родная Москва!» представляют собой отличное «наглядное пособие» к тому, как писал и как говорил Вс. Вишневский.

Очень характерно, что на первых двух страницах поправок почти нет. Зато заключительные страницы сплошь испещрены ими!

С первого и до последнего дня войны работала на радио Ольга Берггольц. Ее суровый и горький «Февральский дневник», скорбная и гордая «Ленинградская поэма», стихотворные «Письма на Каму», «Стихи о ленинградских большевиках», ее выступления, включенные позже в книгу «Говорит Ленинград...», как и многие другие произведения, по праву вошедшие в поэтическую летопись бессмертной ленинградской эпопеи, — все это было написано для радио и по радио читалось. Поэма «Февральский дневник», например, писалась для радиопередачи, посвященной дню Красной Армии

23 февраля 1942 г. Стихи были неотъемлемой частью бесед писательницы перед микрофоном — тех дружеских, сердечных («от сердца к сердцу!») бесед, которые Ольга Берггольц вела изо дня в день даже в самое тяжкое и мрачное время блокады. Ее выступления ждали, ей верили...

Стихи, поэмы, очерки, впоследствии вошедшие в книги и сборники О. Берггольц, — это только небольшая часть того, что было сделано ею для радио. Писательница работала ежедневно, выполняя задания самых различных редакций и отделов Радиокомитета. Она писала и для передач, идущих на «Большую землю», и для «Фронтовой радиогазеты», и для иностранной редакции, занимавшейся контрпропагандой в войсках противника. В радиокомитетских архивах сохранились ее зарисовки жизни блокадного города, очерки о ленинградских партизанах, памфлеты, антифашистские басни («Гуси», «Собачья дружба», «Горшки и Котел» и др.). В них, пародируя образы крыловских басен, О. Берггольц беспощадно высмеивала правителей гитлеровского «райха», их подручных и сателлитов. Блестяще написаны и ее стихотворные фельетоны («Про Марью Ивановну, про Ници-Ници и про то, что Геббельсу снится», «Чтобы дядя не болтал — за ушко, да в трибунал!») и другие мелкие сатирические вещи.

Много работал на радио Николай Тихонов. Он выступал в передачах «Говорит Ленинград», участвовал в радиомитингах и перекличках. По радио ленинградцы слушали стихи поэта о первых героях ленинградской обороны, его поэмы «Киров с нами» и «Слово о 28 гвардейцах», цикл «Ленинградских рассказов», фронтовые зарисовки и корреспонденции, очерки о жизни осажденного города (они составили впоследствии книгу «Ленинградский год»).

Почти три года жила в блокадном Ленинграде Вера Инбер. Все это время она постоянно выступала у микрофона с публицистическими статьями и стихами. По радио поэтесса читала главы своей поэмы «Пулковский меридиан», над которой она работала все блокадные годы.

Выступали по радио и литераторы старшего поколения — А. Ахматова, И. Груздев, В. Десницкий, Вяч. Шипков, Б. Эйхенбаум и др. Текст одного из выступлений Анны Ахматовой в сентябре 1941 г. был записан Ольгой Берггольц — она приводит его в книге «Говорит Ленинград...».

Особого упоминания заслуживает и та большая, самоотверженная работа, которую ленинградские литераторы вели во время блокады в радиовещании для детей. Ее организаторами были писатели Н. Ходза, работавший тогда начальником отдела детского радиовещания, и К. Меркульева — редактор того же отдела.

Собственно, почти все ленинградские писатели так или иначе принимали участие в работе радио — и те, кто жил и работал в самом городе, и те, кто служил в армии или на флоте. Материалы с фронта присылались главным образом «с оказией» — на почту надежда была плохая! А попадая в город, писатели-фронтовики обязательно выкраивали время, чтобы побывать в Радиокомитете. Здесь они всегда были желанными гостями, и встречи с ними обычно заканчивались в студии у микрофона или у звукозаписывающей аппаратуры (если время было неподходящим для передачи). Стихотворение, очерк, рассказ о подвигах героев ленинградской битвы «наговаривались» либо на воск, либо на шорнофонную пленку и воспроизводились в ближайшей же передаче. Так слушали ленинградцы фронтовые стихи Вс. Азарова, Н. Брауна, М. Дудина, В. Лифшица, Б. Лихарева, Л. Поповой, А. Прокофьева, В. Саянова, очерки, рассказы, корреспонденции А. Дымшица, П. Лукницкого, Д. Левовевского, Г. Макогоненко, Г. Мирошниченко, Н. Михайловского, А. Розена, А. Садовского, Д. Славентантора, Евг. Федорова и других писателей-фронтовиков и военных корреспондентов.

Еще одним радиоизданием, вокруг которого группировались литературные силы, были выпуски так называемой «Радиохроники».

Эта радиопередача родилась в самые первые военные дни, на базе выходившей до войны «Литературной газеты по радио» — солидного академического еженедельника с большой писательской редколлекцией, с широким кругом авторов и корреспондентов. В отличие от своей предшественницы, «Радиохроника» должна была с макси-

мальной оперативностью откликаться на события, быть мобилизующей, призывной, горячей. Ударные короткие материалы ее сменялись подобно кадрам кинохроники (кстати, по аналогии с кинохроникой новую радиопередачу и «окрестили»). «Радио-хроника» передавалась ежедневно. На ее страницах сообщались последние новости с фронтов, публиковались очерки и корреспонденции о жизни города, новые песни, стихи. Солидная часть «радиоплощади», как правило, отводилась сатире. Следуя традициям грозного «маяковского» смеха, авторы передачи высмеивали бредовые фашистские теории, саркастически комментировали перехваченные по радио же выступления фашистских главарей, разоблачали оголтелую ложь геббельсовских пропагандистов. Впрочем, в иных передачах под обстрел брали и «своих» — к счастью, редких в те дни — паникеров, болтунов, лодырей.

Первый номер «Радио-хроники» был передан вечером 1 июля 1941 г. Он открывался короткой передовой статьей, в которой определялся курс новой радиопередачи: «...бить заклятого врага не только оружием Красной Армии, но и бить словом — бить словом так, чтобы вся мерзость, вся подлость и все коварство фашизма были беспощадно обнажены». В программу передачи были включены публицистическая статья М. Козакова, «Записки из блокнота» И. Кратта. С чтением стихотворения «Вставайте, советские люди!» у микрофона выступила Е. Рывина. Сатирический «Особый отдел» состоял из памфлета И. Меттера и стихотворного фельетона В. Волженкина «Цари».

Спустя несколько дней после выхода новой радиопередачи решено было давать в каждом ее выпуске короткое сюжетное стихотворение — балладу, написанную по материалам сегодняшней сводки Совинформбюро. Обычно темой для баллады служил какой-либо конкретный боевой эпизод. Сводка передавалась утром, а очередной выпуск «Радио-хроники» выходил вечером того же дня, разумеется, если этому не мешало

НА УЛИЦАХ ОСАЖДЕННОГО ЛЕНИНГРАДА

Фотография Р. Л. Кармена
1942

Центральный архив
кино-фото-фонодокументов
Красногорск

«ДУША ЛЕНИНГРАДА»

Сборник военных стихов В. М. Инбер.
Л., Гослитиздат, 1942

Обложка. Рисунок Т. С. Цинберг

ГОСАИТИЗДАТ

«расписание» гитлеровских летчиков, время от времени менявших часы бомбежек (впрочем, если бомбить начинали по вечерам, передача передвигалась на утренние часы следующего дня).

Среди авторов таких сюжетных стихов были Н. Тихонов, А. Прокофьев, Вс. Азаров, А. Решетов, Вс. Рождественский, С. Спасский, А. Мариенгоф.

Здесь следует назвать и имя Владимира Волженина (Некрасова), поэта, ныне совсем незаслуженно забытого. Человек уже очень молодой, отнюдь не обладавший кренким здоровьем, он оказался для Радиокомитета поистине неоценимым сотрудником. Его оперативности, точности, его политическому чутью можно было только позавидовать. В течение полугода Волженин, работая по-настоящему вдохновенно, с огромным напряжением, непрерывно и безотказно писал для радио стихотворные фельетоны, памфлеты, частушки, лозунги, басни, стихи, посвященные трудовому героизму ленинградцев. Это были хорошие, в полную меру таланта сделанные, патриотические вещи. Когда Волженину было поручено еще и сочинение баллад для «Радиоэтики», он великолепно справился с этой добавочной — и отнюдь не легкой — «нагрузкой».

Сохранился весьма примечательный приказ по Радиокомитету, подписанный тогдашним его руководителем В. Ходоренко. Приказ датирован 29 октября 1941 г. В нем говорится: «За систематическую, добросовестную и оперативную работу над созданием материалов для радиовещания объявляю благодарность писателям Берггольц О. Ф. и Некрасову-Волженину В. М.».

В Радиокомитете Волженин работал до декабря 1941 г., пока не свалился с ног от дистрофии. Уже в очень тяжелом состоянии он был эвакуирован в Ярославль и там умер спустя несколько дней после приезда.

Очень плодотворно сотрудничал в «Радиоэтике» Евг. Шварц, создавший целый цикл великолепных по сатирической силе и точности «прицела» антифашистских сказок. В 1942 г. О. Берггольц, работая по заданию Политуправления Балтийского флота над составлением сборника «Балтфлот смеется», включила в этот сборник несколько сказок Евг. Шварца (ныне эта книжка — библиографическая редкость).

В «Радиохронике» регулярно передавались остроумные злые памфлеты И. Меттера, фельетоны и сценки М. Зощенко, сатирические стихи В. Иванова, В. Лифшица, А. Прокофьева, В. Саянова, Е. Рывиной, А. Флита и других ленинградских поэтов.

Кстати сказать, именно в материалах, сделанных для передач «Радиохроники», О. Берггольц нашла первые черты будущей героини многих своих выступлений — «соседки по квартире», «Дарьи Власьевны», «Тети Даши». Впервые «Тетя Даша» появилась в выступлениях писательницы 8 и 12 августа 1941 г., в 34-м и 37-м выпусках «Радиохроники» (стихотворения «Тетя Даша» и «Тетя Даша сдает ценности»). Конечно, это были только наброски, первоначальные контуры будущего образа.

В «Радиохронике» же, выступая 2 мая 1942 г. после поездки за кольцо блокады, О. Берггольц прочла ленинградцам сердечное письмо М. Шолохова, переданное ей писателем в Москве. Вот что писал М. Шолохов:

«Родные товарищи ленинградцы! Мы знаем, как тяжело вам жить, работать, сражаться во вражеском окружении. О вас постоянно вспоминают на всех фронтах и всюду в тылу. И сталевар на далеком Урале, глядя на расплавленный поток металла, думает о вас и трудится, не покладая рук, чтобы ускорить час вашего освобождения. И боец, разящий немецких захватчиков в Донбассе, — бьет их не только за свою поруганную Украину, но и за те великие страдания, которые враги причинили вам, ленинградцам. Мы жадно ждем тот час, когда кольцо блокады будет разорвано и великая страна прижмет к груди пострадавших, героических сынов и дочерей овечьей вечной славой Ленинграда».

Материалы «Радиохроники» очень нравились слушателям. В Радиокomitee часто приходили и самодеятельные чтецы из воинских частей и госпиталей, и «всамделишные» артисты фронтовых агитбригад, чтобы переписать тот или иной услышанный в радиопередаче материал и включить его в свою программу.

«Радиохроника» передавалась регулярно в течение почти двух лет (вышло более 500 ее номеров). Весной 1943 г. она была преобразована в «Литературный радиоеженедельник».

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

«ЛЕНИНГРАДСКАЯ ТЕТРАДЬ»

Сборник военных стихов О. Ф. Берггольц. М., «Сов. писатель», 1942

Обложка

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ТЕТРАДЬ

Кольцо вражеской блокады было разорвано 18 января 1943 г. Сообщение Советского информбюро о прорыве блокады ленинградцы услышали по радио поздно вечером. И почти сразу же начался радиомитинг, посвященный этой победе. Он был необычным, этот митинг, ибо длился всю ночь с 18 на 19 января — ленинградское радио пело и говорило до утра впервые за всё время блокады!

В своей книге «Говорит Ленинград...» О. Берггольц так вспоминает об этой необыкновенной ночи:

«Все, что происходило этой ночью в здании Радиокomiteта, происходило стихийно, без плана, без подготовки — музыка, стихи, написанные тут же, речи — все это шло сплошным ликующим потоком, и нас слышали соединившийся с нами Волховский фронт, вся страна, весь мир. И для нас, работников радио, самой лучшей наградой было то, что в эту праздничную счастливую ночь со всех сторон ночного города шли и бежали ленинградцы к нам, в Радиокomiteт, к любимой своей, к истинно народной трибуне!»

Столь же праздничными, ликующими были радиопередачи и еще год спустя, когда немецко-фашистские армии под Ленинградом были разгромлены и отброшены на сотни километров от города.

Следует упомянуть здесь и о радиофильме «Девятьсот дней», который был создан в 1945 г., к годовщине славной ленинградской победы. Этот фильм — только звуковой, изображение в нем отсутствует. Он смонтирован из документальных радиозаписей, сделанных в осажденном городе, начиная от первых военных дней и кончая разгромом фашистов под Ленинградом. Фильм «Девятьсот дней» — произведение очень большой эмоциональной силы. Радиозапись сохранила живые голоса защитников Ленинграда, уходивших на фронт в июне 1941 г., выступления героев ленинградской обороны. Записаны и свист снарядов и бомб, и грохот разрывов, и рыдания матери над раненым ребенком, и гудок первого поезда, пришедшего с «Большой земли» в феврале 1943 г., и радиоречи О. Берггольц и Вс. Вишневского. Все это теперь — драгоценные свидетельства жизни и борьбы города-героя и его мужественных защитников.

В послевоенное время собрано и издано немало книг и сборников писателей, сражавшихся за Ленинград. Но все-таки еще далеко не всё из того, что было написано в блокадном городе, разобрано, перечитано, изучено. Многие утрачено безвозвратно, иные вещи затерялись в архивных папках, в подшивках старых газет. В частности, еще очень много ценного и интересного таят в себе радиокomiteтские архивы и хранилища микрофонных материалов.

Этот далеко не полный обзор — только начало, только попытка воссоздать отдельные эпизоды поистине героического самоотверженного труда писателей, участников великой ленинградской битвы.

Обзор написан на основании архивных материалов Ленинградского Комитета по радиовещанию и телевидению за 1941—1945 гг. Материалы эти сохранились не полностью и в настоящее время находятся в различных хранилищах (микрофонная библиотека Ленинградского Комитета по радиовещанию, Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области, Музей истории города).

Значительная часть сохранившихся архивных дел периода Великой Отечественной войны собрана из россыпи. Многие материалы брались в последующие годы для повторных передач и в архивы не возвращены; в частности, отсутствуют тексты некоторых выступлений у микрофона в 1941—1942 гг. Вишневского, Фадеева, Берггольц и др. Недостает ряда номеров «Радиохроники» и других радиожурналов и радиогазет.

В обзоре автор использовал также свои дневниковые записи и материалы из личного архива.